К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

М. ГОРЬКИЙ

С кем вы, „мастера культуры“?

(Ответ американским корреспондентам)

Вы пишете:

«Вас, наверное, очень удивит это послание незнакомых вам людей из-за океана».

Нет, ваше письмо не удивило меня; такие письма приходят не редко, и вы ошибаетесь, называя ваше послание «оригинальным» — за последние два-три года тревожные крики интеллигентов стали обычными. Это — естественно: работа интеллигенции всегда сводилась—главным образом—к делу украшения бытия буржуазии, к делу утешения богатых в пошлых горестях их жизни. Пянька капиталистов — интеллигенция, в большинстве своем, занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии. Она продолжает заниматься этим трудным, но не очень похвальным и совершенно бесплодным делом и в наши дни, обнаруживая почти пророческое предвидение событий. Так, например, раньше чем империалисты Японии приступили к разделу Китая, немец Шпенглер в книге «Человек и техника» заговорил о том, что европейцы совершили в XIX веке крупнейшую ошибку, передав свои знания, свой технический опыт «цветным расам». Шпенглера поддерживает в этом ваш — американский — историк Генрик Ван Лон, он тоже признает вооружение черно- и желтокожего человечества опытом европейской культуры, одной из «Семи роковых исторических ошибок», совершенных европейской буржуазией.

И вот мы видим, что ошибку эту хотят исправить: капиталисты Европы и С. Ш. Америки снабжают японцев и китайцев деньгами и оружием, помогая им истреблять друг друга, и в то же время посылают на Восток свои флоты для того, чтобы в момент наиболее удобный для них, показав японскому империализму свой мощно бронированный кулак, приступить вместе с храбрым зайцем к дележу шкуры убитого медведя. Лично мне думается, что медведь не будет убит, потому что Шпенглеры, Ван Лоны и подобные им утешители буржуазии, очень много рассуждая об опасностях, грозящих европейско-американской «культуре», кое о чем забывают упомянуть. Забывают они о том, что индусы, китайцы, японцы, негры не являются чем-то социально монолитным, однообразным, но расслоены на классы. Забывают и о том, что против яда своекорыстной мысли мещан Европы и Америки выработано и оздоравливающе действует противоядие учения Маркса — Ленина. Впрочем, возможно, что они об этом и не забывают, но только тактически умалчивают, и что их тревожные крики о гибели европейской культуры об'ясняются их сознанием бессилия яда и силою противоядия.

Вопиющих о гибели цивилизации становится все больше, крики их звучат все более громко. Месяца три тому назад во Франции публично кричал о непрочности цивилизации бывший министр Кайо.

Он кричал:

«Мир переживает трагедию изобилия и недоверия. Разве не трагедия, что приходится жечь пшеницу и топить мешки с кофе, когда миллионам людей нехватает пищи. Что касается недоверия—оно причинило уже достаточно зла. Оно вызвало войну и продиктовало мирные договоры, которые могут быть исправлены только тогда, когда исчезнет это недоверие. Если не удастся восстановить доверие, вся цивилизация будет поставлена под угрозу, так как у народов может появиться искушение опровергнуть экономический строй, которому они приписывают все бедствия».

Для того, чтоб говорить о возможности доверия среди хищников, которые в наши дни так откровенно показывают друг другу свои когти и зубы, — для этого нужно быть или отчаянным лицемером или же человеком крайне наивным. А если под «народом» разумеется рабочий народ, то всякий честный человек должен бы признать, что рабочие совершенно справедливо «приписывают» идиотизму капиталистического строя бедствия, которыми строй этот награждает их за труд создания ценностей. Пролетарии все более отчетливо видят, что современная буржуазная действительность с ужасающей точностью оправдывает слова Маркса—Энгельса, сказанные ими в «Манифесте коммунистической партии»:

«Буржуазия не способна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может жить под ее властью: другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества».

Кайо—один из сотни тех старичков, которые продолжают доказывать, что их буржуазный идиотизм, это — мудрость, данная человечеству навсегда, что лучше ее человечество никогда ничего не выдумает, дальше ее—не пойдет, выше — не поднимется. И еще не так давно утешители буржуазии, доказывая хозяйственную мудрость свою и прочность ее, опирались на свою науку.

Теперь они исключают науку из своей подловатой игры. 23 февраля в Париже тот же Кайо, следуя за Шпенглером, говорил пред лицом бывших министров, вроде Павла Милюкова и вообще бывших людей:

«Техника создает безработицу во многих случаях, превращает заработок увольняемых рабочих в излишки дивиденда акционеров. Наука «без совести», не согретая «совестью», идет в ущерб людям. Люди должны взнуздать науку. Современный кризис—поражение человеческого разума. Для науки нет иногда большого несчастья, как великий человек. Он выставляет теоретические положения, имеющие смысл и значение для данного времени, когда эти положения выдвигаются. Они справедливы, как, положим, у Карла Маркса для 1848 или 1870 годов, и совершенно неверны в 1932 г. Если бы Маркс был теперь жив—он писал бы иначе».

Этими словами буржуа признает, что разум его класса обессилен, обанкротился. Он советует «взнуздать науку», забыв о том, сколько она дала силы его классу для укрепления власти над миром трудящихся. «Взнуздать науку» — что это значит? Запретить ей свободу исследования? Когда-то буржуазия весьма храбро и успешно боролась против посягательств церкви на свободу науки. В наши дни буржуазная философия постепенно становится тем, чем была она в наиболее мрачные годы средневековья—служанкой теологии. Кайо прав, говоря, что Европе угрожает возвращение к варварству, предсказанное Марксом, учение которого ему неизвестно: да, совершенно неоспоримо, что буржуазия Европы и Америки, хозяйка мира, становится с каждым годом все более невежественной, интеллектуально слабосильной, варварской — и уже сама в лице вашем понимает это.

Мысль о возможности возвращения к эпохе варварства—самая «модная» мысль современной буржуазии. Шпенглеры, Кайо и подобные им «мыслители» отражают настроения тысяч мещан. Это тревожное настроение вызвано предчувствием классовой гибели — фактом роста во всем мире революционного правосознания рабочих масс. Буржуазия не хотела бы верить в процесс культурно-революционного развития трудового народа, но она его видит, чувствует. Процесс этот всесторонне и прекрасно оправдан. Он является логически неизбежным развитием всего трудового опыта человечества, опыта, о котором поучительно рассказывают историки буржуазии. Но так как история—тоже наука, ее тоже нужно «взнуздать» или — того проще — забыть, что она существует. Забыть историю советует французский поэт и академик Поль Валери в книге: «Обозрение современности». Он совершенно серьезно обвиняет в бедствиях народов именно историю, он говорит, что, напоминая о прошлом, история вызывает бесплодные мечты и лишает людей покоя. Люди — это, конечно, буржуазия. П. Валери, вероятно, не способен заметить на земле иных людей. Вот что говорит он об истории, которой буржуазия еще так недавно гордилась и которую весьма искусно писала:

«История—самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растравляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает их в маши—величия или преследования».

В своей должности утешителя, он, как видите, весьма радикален. Он знает: буржуазия хочет жить спокойно, ради спокойной жизни она считает себя вправе уничтожать десятки миллионов людей. Она, разумеется, легко может уничтожить несколько десятков тысяч книг,— как все на свете, библиотеки тоже в ее руках. История мешает спокойной жизни? Долой историю. Из'ять из обращения все труды по истории. Не преподавать ее в школах. Об'явить изучение прошлого делом социально опасным и даже преступным. Людей, склонных к занятиям историей, признать ненормальными и сослать на необитаемые острова.

Главное — покой! Именно об этом заботятся все утешители буржуазии. Но для осуществления покоя необходимо,— как говорит Кайо,—взаимное доверие в среде национально - капиталистических хищников, а для того, чтоб установилось доверие, нужно, чтоб двери в чужой дом — напр., в Китай, — были широко открыты для грабежа пред всеми хищниками и лавочниками Европы, а лавочники и хищники Японии хотят закрыть двери чужого дома для всех, кроме себя: они делают это на том основании, что Китай—ближе к ним, чем к Европе, и для них грабить китайцев—удобнее, чем индусов, которых привыкли грабить «джентльмены» Англии. На почве соревнования в грабеже возникают противоречия, угрожающие тревогами новой всемирной бойни. А кроме того, по словам парижского журналиста Гренгуара «для Европы потеряна Российская империя, как нормальный и здоровый рынок». Гренгуар видит в этом «источник зла» и вместе со многими другими журналистами, политиками, епископами, лордами, авантюристами и мошенниками настаивает на необходимости общеевропейской интервенции в Союз Советов. Затем—в Европе все растет безработица, растет и революционное правосознание пролетариата. В конце концов для установления «покоя»—очень мало возможностей и даже,—как будто,—совсем нет места. Но я—не оптимист и, зная, что цинизм буржуазии безграничен, допускаю одну возможность, посредством которой буржуазия может попробовать очистить себе место для спокойной жизни. На эту возможность намекнул 19 февраля расистский депутат Бергер в Кельне, он сказал в своей речи:

«Если, после прихода Гитлера к власти, французы попытаются оккупировать германскую территорию, мы перережем всех евреев».

Осведомившись о сделанном Бергером заявлении, прусское правительство запретило ему дальнейшие публичные выступления. Запрещение вызвало возмущение в гитлеровском лагере. Одна расистская газета пишет:

«Бергер не может быть обвинен в призыве к незаконным действиям: мы перережем евреев на основании закона, который будет проведен после нашего прихода к власти».

Эти заявления не следует рассматривать как шутку, как немецкий «виц»; европейская буржуазия в ее современном настроении вполне способна «провести закон» не только о поголовном истреблении евреев, а об истреблении всех, мыслящих несогласно с нею, и прежде всего об уничтожении всех, несогласно с ее бесчеловечными интересами действующих.

* * *

Заключенные в этот «порочный круг» интеллигенты-утешители постепенно теряют свое мастерство утешать и уже сами нуждаются в утешении. Они обращаются за ним даже к людям, которые принципиально не подают милостыни, ибо—милостыня утверждает право милостыни. Талант «красивой лжи», основной их талант, уже не может, не в силах прикрывать грязный цинизм буржуазной действительности. Некоторые из них начинают чувствовать, что развлекать и утешать людей, утомленных грабежом мира, обеспокоенных все более резким сопротивлением пролетариата их подлым целям, людей, у которых безумная жажда наживы приняла характер буйного помешательства и формы социально-разрушительные, — утешать и развлекать этих людей становится делом не только бесплодным, но уже и опасным для самих утешителей.

Можно бы указать и на преступность утешения озверенных разбойников и убийц, но, я знаю, что это никого не тронет, ибо это — мораль, т.-е. нечто исключенное из жизни за ненадобностью. Гораздо существенней указать на тот факт, что в современной действительности интеллигент-утешитель становится тем «третьим», бытие которого отвергается логикой.

Когда он, выходец из буржуазии, — пролетарий по своему социальному положению, он как будто понимает унизительный драматизм своей службы классу, осужденному на гибель и вполне заслужившему гибель, как заслуживает ее профессиональный бандит и убийца. Начинает понимать потому, что буржуазия перестает нуждаться в его услугах. Он все более часто слышит, как люди его группы, угождая буржуазии, кричат о перепроизводстве интеллигенции. Он видит, что буржуа охотней обращается за «утешением» не к философам и «мыслителям», а к шарлатанам, предсказывающим будущее. Газеты Европы испещрены об'явлениями хиромантов, астрологов, сочиняющих гороскопы, факиров, ясновидящих, графологов, спиритов и прочих фокусников, еще более невежественных, чем сама буржуазия. Фотография и кино убивают искусство живописи, художники, чтоб не умереть с голода, меняют свои картины на картофель, на хлеб, на поношенную одежду мещанства. В одной из газет Парижа напечатана такая веселая заметка:

«Нужда среди берлинских художников велика, и просвета не видно. Идут речи об организации самопомощи художников, но какую самопомощь могут организовать друг для друга люди, лишенные заработков и каких бы то ни было перспектив на заработки? Поэтому в художественных кругах Берлина с восторгом встречена оригинальная идея художницы Аннот-Якоби, она предлагает товарообмен. Пусть торговцы углем снабжают художников топливом в обмен на статуи и картины. Времена переменятся, и углеторговцы не пожалеют о произведенных ими в порядке товарообмена сделках. Пусть зубные врачи лечат художников. Хорошая картина никогда не будет лишней в приемной зубного врача. Мясники, молочники должны воспользоваться случаем и сделать доброе дело и в то же время без затраты наличности приобрести настоящие художественные вещи. Для развития и применения на практике идеи Аннот-Якоби образовалось в Берлине особое бюро».

Сообщая об этом товарообмене, газета не говорит, что он существует в Париже.

Кинематограф постепенно уничтожает высокое искусство театра. О разлагающем влиянии буржуазного кино не стоит говорить, это совершенно ясно. Использовав все темы сентиментализма, он начинает демонстрировать физические уродства:

«В холливудской студии Метро-Гольдвин-Майер собралась оригинальная труппа для работы над фильмой «Причуды». В ее составе—Ку Ку, девушка-птица, имеющая большое сходство с аистом; П. Робинзон, человеческий скелет, Марта, родившаяся с одной рукой, искусная мастерица вязать кружева ногами. Доставлены в студию Шильце прозванная «голова-шпилька», женщина с нормальным телом, но с необыкновенно маленькой головой, похожей на шпильку; Ольга —женщина с мужской окладистой бородой, Жозефина-Жозеф, наполовину женщина, наполовину мужчина; сиамские сестры-близнецы Гильтон, карлики, лилипуты»...

Барнай, Поссарти, Монэ-Сюлли и другие артисты этого рода—не нужны, их заменяют Фэрбенксы, Гарольд-Ллойды и прочие фокусники во главе с однообразно сантиментальным и унылым Чарли Чаплиным, так же как музыку классиков заменяет джаз, а Стендаля, Бальзака, Диккенса, Флобера—различные Уоллесы, люди, которые умеют рассказывать о том, как полицейский сыщик, охраняя собственность крупных грабителей и организаторов массовых убийств, ловит маленьких воров и убийц. В области искусства буржуазию вполне удовлетворяет коллекционирование почтовых марок и трамвайных билетов, а в лучшем слу-

---

Опубликовано в «Правде» 22 марта 1932 года.

чае коллекционируют подделки картин старинных мастеров. В области науки буржуазию интересуют приемы и методы наиболее удобной, дешевой эксплоатации физических сил рабочего класса: наука для буржуа существует настолько, насколько она способна служить целям его обогащения, регулировать деятельность его желудочно-кишечной сферы и поднимать его половую энергию развратника. Пониманию буржуазии недоступны основные задачи науки: интеллектуальное развитие, физическое оздоровление человечества, истощенного гнетом капитализма, превращение инертной материи в энергию, разгадка техники строения и роста человеческого организма, — все это для современного буржуа так же мало интересно, как для дикаря центральной Африки.

Видя все это, некоторые интеллигенты начинают понимать, что «творчество культуры», которое они считали своим делом, результатом своей «свободной мысли» и «независимой воли», — уже не их дело и что культура не является внутренней необходимостью капиталистического мира. События в Китае напомнили им о гибели университета и библиотеки Лувена в 1914 г., вчерашний день рассказал о разрушении японскими пушками в Шанхае университета Тунцзи, морского колледжа, школы по рыболовству, национального университета, медицинского колледжа, сельскохозяйственного и инженерного колледжа, рабочего университета. Этот акт варварства не возмущает никого, так же, как никого не возмущает сокращение ассигновок на культурные учреждения и вместе с этим непрерывный рост вооружений.

Но, разумеется, лишь некоторая и незначительная часть европейско-американской интеллигенции чувствует неизбежность своего подчинения «закону исключенного третьего» и задумывается о том—куда итти? По привычке—с буржуазией, против пролетариата или же по чести — с пролетариатом против буржуазии? Большинство же интеллигентов продолжает довольствоваться службой капитализму,—хозяину, который, хорошо видя моральную гибкость своего слуги и утешителя, видя бессилие и бесплодность его примиренческой работы, начинает откровенно презирать слугу и утешителя своего и уже сомневается в необходимости бытия такого слуги.

Мне часто приходится получать письма специалистов по утешению мещанства, приведу здесь одно из них, полученное от гр. Свэн Эльверстад:

«Многоуважаемый г. Горький.

Ужасная растерянность, граничащая с отчаянием, царит теперь во всем свете, вызванная страшным экономическим кризисом, который потрясает все страны мира. Эта мировая трагедия толкнула меня начать на столбцах самой распространенной норвежской газеты «Tidens Tagn» ряд статей, которые имеют своей целью поднять дух и разжечь надежды миллионов жертв ужасной катастрофы. Преследуя эту цель, я нашел нужным обратиться к представителям литературы, искусства, науки и политики с просьбой сообщить их мнение по поводу трагического положения народов в последние два года. Перед каждым гражданином любого государства встает задача: умереть под тяжестью ударов жестокой судьбы или продолжать бороться, надеясь на счастливое разрешение кризиса. Эта надежда на благополучный выход из создавшегося мрачного положения необходима каждому и в каждом она блеснет ярким пламенем при чтении оптимистического мнения, высказанного человеком, к слову которого все привыкли прислушиваться. Поэтому я разрешаю себе просить вас прислать мне ваше суждение о теперешнем положении, это суждение может быть не длиннее трех, четырех строчек, но оно, несомненно, спасет многих и многих от отчаяния и даст им силу смело глядеть навстречу будущему.

С почтением **Свэн Эльверстад**»

Людей, подобных автору этого письма, людей, которые еще не утратили наивной веры в целебную силу «двух, трех строчек», в силу фразы, — таких людей еще немало. Вера их так наивна, что едва ли искренна. Две, три фразы или двести, триста фраз не оживят дряхлый мир буржуазии. Во всех парламентах мира и в Лиге наций ежедневно произносятся тысячи фраз, никого не утешая, не успокаивая, не внушая никому надежд на возможность удержать стихийный рост кризиса буржуазной цивилизации. По городам раз'езжают бывшие министры и другие бездельники, уговаривая мещанство «взнуздать», «дисциплинировать» науку. Болтовню этих людей немедленно подхватывают журналисты,—люди, для которых «все равно, все наскучило давно», — и один из таких, Эмиль Людвиг, в серьезной газете «Дейли экспресс» советует «прогнать специалистов в шею». Всю эту пошлую чепуху мелкое мещанство слушает, читает и делает из чепухи свои выводы. И если европейское мещанство признает необходимым закрыть университеты, — в этом не будет ничего удивительного. Кстати: оно может сослаться на такой факт — в Германии ежегодно освобождается 6.000 служебных вакансий, требующих университетского диплома, а вузы Германии ежегодно выпускают до 40 тысяч универсантов.

Вы, граждане Д. Смитс и Т. Моррисон, ошибочно приписываете буржуазной литературе и журналистике значение «организатора культурных мнений», — этот «организатор» — паразитное растение, которое пытается прикрыть грязный хаос действительности, но прикрывает его менее удачно, чем, например, плющ и сорные травы прикрывают грязь и мусор развалин. Вы, граждане, плохо знаете, каково культурное значение вашей прессы, которая единогласно утверждает, что «американец прежде всего—американец» и только после этого человек. В свою очередь пресса расистов Германии учит, что расист прежде всего—ариец, а затем уже—врач, геолог, философ; журналисты Франции доказывают, что француз прежде всего—победитель и поэтому должен быть вооружен сильнее всех других, — речь идет, конечно, не о вооружении мозга, а только о кулаке.

Не будет преувеличением, если сказать, что пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого. Обслуживая интересы капиталистов, своих работодателей, искусно умея раздуть муху до размеров слона, журналисты не ставят своей целью укрощение свиньи, хотя, конечно, видят, что свинья обезумела и бесится.

Вы пишете: «В Европе мы с глубокой горечью почувствовали, что европейцы ненавидят нас». Это очень «суб'ективно», и суб'ективизм, позволив вам заметить некую частность, скрыл от вас общее: вы не заметили, что вся буржуазия Европы живет в атмосфере взаимной ненависти. Ограбленные немцы ненавидят Францию, которая, задыхаясь от золотого ожирения, ненавидит англичан, так же как итальянцы—французов, а вся буржуазия единодушно ненавидит Союз Советов. 300 миллионов индусов живут ненавистью к английским лордам и лавочникам. 450 млн. китайцев ненавидят японцев и всех европейцев, которые, привыкнув грабить Китай, тоже готовы возненавидеть Японию за то, что она право грабить китайцев считает своим исключительным правом. Эта ненависть всех ко всем, разрастаясь, становится все гуще, острей, она вспухает среди буржуазии, как гнойный нарыв и, конечно, прорвется и, возможно, снова потекут реки лучшей, самой здоровой крови народов всей земли. Кроме миллионов наиболее здоровых людей война уничтожит огромное количество ценностей и сырья, из коего они создаются, а все это поведет к обнищанию человечества здоровьем, металлами, топливом. Само собою разумеется, что война не уничтожит ненависти между национальными группами буржуазии. Вы считаете себя «в силах служить общечеловеческой культуре» и «обязанными защищать ее от снижения к варварству». Это очень хорошо. Но поставьте пред собою простой вопрос: что вы можете сделать сегодня и завтра для защиты этой культуры, которая, кстати сказать, еще никогда не была «общечеловеческой» и не может быть таковой при наличии национально-капиталистических государственных организаций, совершенно безответственных пред трудовым народом, натравливающих народы друг на друга?

Так вот: спросите себя, что вы можете противопоставить разрушающим культуру фактам безработицы, истощению рабочего класса голодом, росту детской проституции? Понятно ли вам, что истощение масс значит—истощение почвы, из которой возрастает культура? Вам наверное известно, что так называемый «культурный слой» всегда был производным от массы. Это вы должны бы хорошо знать, ибо у американцев есть привычка хвастаться тем, что в С. Ш. А. мальчики—торговцы газетами возвышаются до карьеры президентов.

Напоминая об этом, я хочу отметить только ловкость мальчиков, но не таланты президентов,—о талантах последних мне ничего неизвестно.

Есть и еще вопрос, над которым вам следовало бы подумать: полагаете ли вы, что 450 млн. китайцев можно превратить в рабов европейско-американского капитала, в то время как 300 млн. индусов уже начинают понимать, что для них роль рабов Англии вовсе не предопределена богами? Сообразите: несколько десятков тысяч хищников и авантюристов желают вечно и спокойно жить за счет силы миллиарда трудящихся. Это—нормально? Это—было, это — есть, но хватит ли у вас храбрости утверждать, что это и должно быть так, как оно есть? Чума тоже была почти нормальным явлением среди веков, но чума почти исчезла, и теперь роль ее на земле исполняет буржуазия, она отравляет весь цветной мир, прививая ему глубочайшую ненависть и презрение ко всей белой расе. Не думается ли вам, защитники культуры, что капитализм провоцирует расовые войны?

* * *

Упрекая меня в том, что я «проповедую ненависть», вы советуете мне «пропагандировать любовь». Вы, должно быть, считаете меня способным внушать рабочим: возлюбите капиталистов, ибо они пожирают силы ваши, возлюбите их, ибо они бесплодно уничтожают сокровища земли вашей, возлюбите людей, которые тратят ваше железо на постройку орудий, уничтожающих вас, возлюбите негодяев, по воле которых дети ваши издыхают с голода, возлюбите уничтожающих вас ради покоя и сытости своей, возлюбите капиталиста, ибо церковь его держит вас во тьме невежества.

Нечто подобное проповедуется евангелием, и, вспомнив об этом, вы говорите о «христианстве», как «рычаге культуры». Вы очень опоздали, о культурном влиянии «учения любви и кротости» честные люди давно уже не говорят. Неловко и невозможно говорить об этом влиянии в наши дни, когда христианская буржуазия у себя дома и в колониях внушает кротость и заставляет рабов любить ее посредством применения «огня и меча» с большей энергией, чем она всегда применяла огонь и меч. В наши дни меч заменен, как вам известно, пулеметами, бомбами и даже «гласом божиим с небес». Одна из парижских газет сообщает:

«В войне с афридиями англичане додумались до приема, приносящего им огромную пользу. Группа повстанцев укрылась на какой-нибудь площадке среди недоступных гор. Вдруг над ними на большой высоте появляется аэроплан. Афридии хватаются за ружья. Но аэроплан не сбрасывает бомб. Вместо бомб с него сыплются слова. Голос с неба уговаривает повстанцев на родном их языке сложить оружие, прекратить бессмысленное состязание с Английской империей. Было немало случаев, когда потрясенные голосом с неба повстанцы действительно прекращали борьбу.

Опыты с голосом бога были повторены и в Милане, где в день годовщины основания фашистской милиции весь город услышал глас божий, произнесший краткое похвальное слово фашизму. Миланцы, имевшие случай слышать генерала Бальбо, узнали в голосе с неба его бархатный баритон».

Итак—найден простой способ доказать бытие бога и утилизировать глас его для порабощения дикарей. Можно ожидать, что бог заговорит над Сан-Франциско или Вашингтоном на английском языке с японским акцентом.

Вы ставите в пример мне «великих людей, учителей церкви». Очень смешно, что вы говорите об этом серьезно. Но будем говорить о том, как, из чего и зачем сделаны великие люди церкви. Но раньше, чем опираться на этих людей, вам следовало испытать их прочность. В суждении о «деле церкви» вы обнаруживаете тот «американский идеализм», который может произрастать лишь на почве глубокого невежества. В данном случае, по отношению к истории христианской церкви невежество ваше может быть об'яснено тем, что жители С.Ш.С.А. не испытали на своей шкуре, что такое церковь как организация насилия над разумом и совестью людей, не испытали с той силой, с какой это испытано населением Европы. Вам следовало бы познакомиться с кровавыми драками на вселенских соборах, с изуверством, честолюбием и своекорыстием «великих учителей церкви». Вам особенно много дала бы мошенническая история собора в Эфесе. Вам следовало бы прочитать что-нибудь по истории ересей, ознакомиться с истреблением «еретиков» в первые века христианства, еврейскими погромами, истреблением альбигойцев, таборитов и вообще с кровавой политикой церкви христовой. Интересна для малограмотных история инквизиции, но, конечно, не в изложении вашего земляка Вашингтона Ли,—изложении, одобренном цензурой Ватикана, организатора инквизиции. Вполне допустимо, что, ознакомясь со всем этим, вы убедились бы, что отцы церкви ревностно работали по укреплению власти меньшинства над большинством, и если они боролись с ересями, так это потому, что ереси зарождались в массе трудового народа, который инстинктивно чувствовал ложь церковников,— они проповедывали религию для рабов, религию, которая господами никогда не принималась иначе, как по недоразумению или из страха пред рабами. Ваш историк Ван Лон в статье о «великих исторических ошибках» утверждает, что церковь должна была бороться не за учение Евангелия, а против него, он говорит:

«Величайшую ошибку в свое время сделал Тит, разрушив Иерусалим. Изгнанные из Палестины, евреи рассеялись по всему миру. В основанных ими общинах созревало и крепло христианство, бывшее для Римской империи не менее пагубным, чем идеи Маркса и Ленина для капиталистических государств».

Так оно и было и есть: христианская церковь боролась против наивного коммунизма Евангелия, к этому и сводится ее «история».

Что делает церковь в наши дни? Она, конечно, прежде всего—молится. Епископы Йоркский и Кентерберийский,—тот самый, который проповедывал нечто вроде «крестового похода» против Союза Советов, — эти два епископа сочинили новую молитву, в которой английское лицемерие прекрасно соединяется с английским юмором. Это очень длинное сочинение построено по форме молитвы «Отче наш». Епископы так взывают к богу:

«Что касается политики нашего правительства по восстановлению кредита и благополучия—да будет воля твоя. Что касается всего того, что предпринимается для устроения будущего управления Индией—да будет воля твоя. Что касается предстоящей конференции по разоружению и всего того, что предпринимается к утверждению мира сего мира—да будет воля твоя. Что касается восстановления торговли, доверия к кредиту и взаимного благожелательства—хлеб наш насущный даждь нам днесь. О сотрудничестве всех классов по работе на общее благо,—хлеб наш насущный даждь нам днесь. Если мы оказались повинными в национальной гордыне и находили более удовлетворения в господстве над другими, нежели в оказании им помощи по мере сил наших—остави нам долги наши. Если мы проявили себялюбие в ведении наших дел и ставили наши интересы и интересы нашего класса выше интересов других—остави нам долги наши».

Вот типичная молитва испуганных лавочников! На протяжении ее они раз десять просят бога «оставить» им «долги» их, но ни одного раза не говорят о том, что готовы и могут перестать делать долги. И только в одном случае просят у бога «прощения»:

«За то, что мы предались нашио-

(Окончание на 4 стр.).

К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

С кем вы, „мастера культуры“?

(Окончание)

нальному высокомерию, находя удовлетворение во власти над другими, а не в умении служить им,—прости нас, господи».

Прости нам этот грех, но мы не можем отказаться грешить,—вот что говорят они. Но большинством английских попов это прошение о прощении было отвергнуто,—вероятно, они нашли его неудобным и унизительным для себя.

Молитву эту должны были «вознести» к престолу английского бога 2 января в Лондоне, в соборе Павла. Священникам, которым молитва не нравится, епископ Кентерберийский разрешил не читать ее.

Итак, вот до каких пошлых и глупых комедий доросла христианская церковь, и вот как забавно попы снизили бога своего до положения старшего лавочника и участника во всех коммерческих делах лучших лавочников Европы. Но было бы несправедливо говорить только об английских попах, забывая, что итальянскими организован банк Святого духа, а во Франции, в г. Мюллюезе, 15 февраля, как сообщает парижская газета русских эмигрантов:

«По распоряжению судебных властей арестованы заведующий и приказчик книжного магазина католического издательства «Юнион», во главе которого стоит аббат Эжи. В книжном магазине продавались порнографические фотографии и книги, ввозимые из Германии. «Товар» конфискован. По содержанию некоторые книги—не только порнографические, но обливали грязью и религию».

Фактов такого рода—сотни, и все они утверждают одно и то же: церковь, служанка воспитателя и хозяина своего—капитализма, заражена всеми болезнями, которые разрушают его. И если допустить, что когда-то буржуазия «считалась с моральным авторитетом церкви», так нужно признать, что это был авторитет «полиции духа», авторитет одной из организаций, служивших для угнетения трудового народа. Церковь «утешала»? Не отрицаю. Но утешение это—один из приемов угашения разума.

Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину—не мое ремесло. Я не способен утешать. Я слишком давно и хорошо знаю, что весь мир живет в атмосфере ненависти, я вижу, что она становится все гуще, активней, благотворней.

Вам, «гуманистам, которые хотят быть практиками», пора понять, что в мире действуют две ненависти: одна возникла среди хищников на почве их конкуренции между собой, а также из чувства страха пред будущим, которое грозит хищникам неизбежной гибелью; другая—ненависть пролетариата—возникает из его отвращения к действительности и все более ярко освещается его сознанием права на власть. В той силе, до которой обе эти ненависти доразвились, ничто и никто не может примирить их, и ничто, кроме неизбежного, боевого столкновения их физических, классовых носителей, ничто, кроме победы пролетариев, не освободит мир от ненависти.

Вы пишете:

«Как многие, мы тоже думаем, что в стране вашей диктатура рабочих приводит к насилию над крестьянством».

Я советую вам: попробуйте думать, как не многие, как те,—пока еще не многие,—интеллигенты, которые уже начинают понимать, что учение Маркса и Ленина это—вершина, которой достигла честно исследующая социальные явления научная мысль и что только с высоты этого учения ясно виден прямой путь к социальной справедливости, к новым формам культуры. Сделайте некоторое усилие над собой и забудьте—хотя бы на время—ваше родство с классом, вся история которого была и есть история непрерывного физического и духовного насилия над массами трудового человечества,—над рабочими и крестьянами. Сделайте это усилие и вы поймете, что ваш класс—ваш враг. Карл Маркс очень мудрый человек и не следует думать, что он явился в мир, как Минерва—из головы Юпитера, нет, его учение является таким же гениальным завершением научного опыта, каким явились в свое время теории Ньютона и Дарвина. Ленин—проще Маркса и, как учитель, не менее мудр. Класс, которому вы служите, они покажут вам сначала в его силе и славе, покажут, как приемами бесчеловечного насилия он создавал и создал удобную для него «культуру», на крови, на лицемерии и на лжи, затем покажут процесс загнивания этой культуры, а дальнейшее, современное гниение ее—вы сами видите: ведь именно этот процесс и внушает вам тревоги, выраженные вами в письме ко мне.

Поговорим о «насилии». Диктатура пролетариата—явление временное, она необходима для того, чтоб перевоспитать, превратить десятки миллионов бывших рабов природы и буржуазного государства—в одного и единственного хозяина их страны и всех ее сокровищ. Диктатура пролетариата перестает быть необходимостью после того, как весь трудовой народ, все крестьянство будет поставлено в одинаковые социально-экономические условия и пред каждой единицей явится возможность работать по способностям, получать по потребностям. «Насилие», как вы и «многие» понимают его,—недоразумение, но чаще этого оно—ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию.

Понятие «насилия» прилагается к социальному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса в целях опорочить его культурную работу,—работу по возрождению его страны и организации в ней новых форм хозяйства.

На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие, ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилуете их? Рабочий класс Союза Советов и его партия преподают крестьянству социально-политическую грамоту. Вы, интеллигенты, точно так же принуждены чем-то или кем-то почувствовать драматизм вашей жизни «между молотом и наковальней», вам тоже кто-то внушает начала социально-политической грамоты,—и этот кто-то, разумеется,—не я.

Во всех странах крестьянство, миллионы мелких собственников, является почвой для роста хищников и паразитов; капитализм во всем его безобразии вырос на этой почве. Все силы, все способности и таланты крестьянина поглощаются его заботами о своем нищенском хозяйстве. Культурный идиотизм мелкого собственника совершенно равен таковому же идиотизму миллионера: вы, интеллигенты, должны бы хорошо видеть и чувствовать это. В России до Октябрьской революции крестьянство жило в бытовых условиях XVII века, это—факт, который не осмелятся отрицать даже русские эмигранты, озлобление которых на советскую власть приняло уже комически-чудовищный характер.

Крестьянство не должно существовать в качестве полудиких людей четвертого сорта, в качестве пищи для ловкого мужика, для помещика, для капиталиста. не должно существовать в условиях каторжного труда на мелкораздробленной истощенной земле, неспособной прокормить ее нищего собственника, безграмотного, лишенного возможности удобрить землю, работать машинами, развивать агрикультуру. Крестьянство не должно оправдывать мрачную теорию Мальтуса, в основе которой, на мой взгляд, скрыто изуверство церковной мысли. Если крестьянство в массе еще не способно понять действительность и унизительность своего положения—рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения. Но в этом, однако, нет надобности, ибо крестьянин Союза Советов, отстрадавший мучения бойни 1914—18 гг., разбуженный Октябрьской революцией, уже не слеп и умеет практически мыслить. Его снабжают машинами, удобрением, пред ним открыты пути во все школы, ежегодно тысячи крестьянских детей выходят в жизнь инженерами, агрономами, врачами. Крестьянство начинает понимать, что рабочий класс в лице его партии стремится к тому, чтоб создать в Союзе Советов одного хозяина, у которого 160 миллионов голов и 320 миллионов рук, а это—главное, что надобно понять. Крестьянство видит, что все, что делается в его стране,—делается для всех, а не для небольшой группы богатых людей; крестьянство видит, что в Союзе Советов делается только полезное для него и что 26 «научно-исследовательских институтов» страны работают для обогащения плодоносности его земли, для облегчения его труда.

Крестьянин хочет жить не в грязных деревнях, как он жил века, а в агрогородах, где есть хорошие школы и ясли для его детей, театры, клубы, библиотеки, кинематографы для него. В крестьянстве растет жажда знаний и вкус к жизни культурной. Если б крестьянин не понимал всего этого, работа в Союзе Советов не достигла бы в 15 лет тех грандиозных результатов, которые достигнуты соединенной энергией рабочих и крестьян.

В буржуазных государствах рабочий народ—механическая сила, в массе своей лишенная сознания культурного значения своего труда. У вас хозяйствуют тресты, организации хищников национальных сил, паразиты трудового народа. Враждуя между собою, играя деньгами, стремясь разорить друг друга, они устраивают мошеннические биржевые драмы,—и вот, наконец, их анархизм привел страну к небывалому кризису. Миллионы рабочих пухнут с голода, бесплодно растрачивается здоровье народа, катастрофически растет детская смертность, растут самоубийства,—истощается основная почва культуры, ее живая человеческая энергия. И, несмотря на это, ваш сенат отклонил законопроект Лафоллет - Костигана об ассигновании 375 млн. долларов на непосредственную помощь безработным, а «Нью-Йорк американ» публикует следующие данные о произведенных в Нью-Йорке выселениях безработных и их семей из квартир за невзнос платы в течение 1930 г.—153 731 случаев выселений, а в 1931 г.—198 738. В течение января с. г. в Нью-Йорке ежедневно выселяются из квартир сотни семей безработных.

В Союзе Советов хозяйствуют и законодательствуют рабочие и та часть крестьянства, которая доросла до сознания необходимости уничтожения частной собственности на землю, социализации и машинизации труда на полях, доросла до сознания необходимости психологически переродиться в таких же работников, какими являются работники фабрик и заводов, т.-е. быть подлинными и единственными хозяевами страны. Количество крестьян коллективистов и коммунистов непрерывно растет. Оно будет расти все быстрее, по мере того как новое поколение будет изживать наследие крепостного права и суеверия эскового рабского быта.

Законы в Союзе Советов создаются внизу, в недрах трудовой массы, они вытекают из условий ее жизнедеятельности, советская власть и партия формулируют и утверждают как закон только то, что созревает в процессах труда рабочих и крестьян,—труда, основная цель которого создать общество равных. Партия—диктатор, насколько она является организующим центром, нервно-мозговой системой рабочей массы; цель партии—превратить в кратчайший срок наибольшее количество физической энергии в энергию интеллектуальную, чтобы дать простор и свободу развитию талантов и способностей каждой единицы и всей массы населения.

Буржуазное государство, ставя ставку на индивидуализм, усердно воспитывает молодежь в духе своих интересов и традиций. Это, разумеется, естественно. Однако мы видим, что в среде молодежи именно буржуазного общества чаще всего возникали и возникают идеи и теории анархизма, а это уже неестественно и указывает на ненормальное, нездоровое состояние среды, в которой люди, задыхаясь, начинают мечтать о полном разрушении общества в интересах неограниченной свободы личности. Вы знаете, что ваша молодежь не только мечтает, но и соответственно действует,—пресса Европы все чаще сообщает о «шалостях» буржуазной молодежи вашей и своей,—о шалостях, которые имеют характер преступлений. Преступления эти вызываются не материальной нуждой, а «скукой жизни», любопытством, поисками «сильных» ощущений, и в основе всех таких преступлений лежит крайне низкая оценка личности и ее жизни. Вовлекая в свою среду наиболее талантливых выходцев из рабочих и крестьян, заставляя их служить своим интересам, буржуазия хвастается «свободой», с которой человек может достичь «некоторого личного благосостояния»—удобного логовища, уютной норы. Но вы, конечно, не станете отрицать, что в вашем обществе тысячи талантливых людей погибают на путях к пошлому благополучию, будучи не в силах преодолеть препятствия, которые ставят перед ними бытовые условия буржуазной жизни. Литература Европы и Америки полна описаниями бесплодной гибели даровитых людей. История буржуазии—это история ее духовного обнищания. Какими талантами может гордиться она в наше время? Нечем ей гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больных манией величия.

Народы Союза Советов вступают в эпоху возрождения. Октябрьская революция вызвала к жизнедеятельности десятки тысяч талантливых людей, но их все еще мало для осуществления целей, которые поставил перед собой рабочий класс. В Союзе Советов нет безработных, и всюду, во всех областях приложения человеческой энергии нехватает сил, хотя они растут быстро, как никогда и нигде не росли.

Вы, интеллигенты, «мастера культуры», должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, откроет перед вами широчайшие возможности культурного творчества.

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе, как о предателях.

Буржуазия враждебна культуре и уже не может не быть враждебной ей,—вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств. Буржуазия отвергла проект Союза Советов о всеобщем разоружении, и одного этого вполне достаточно, чтобы сказать: капиталисты—люди социально опасные, они подготовляют новую всемирную бойню. Они держат Союз Советов в напряженном состоянии обороны, заставляя рабочий класс тратить огромное количество драгоценного времени и материалов на выработку орудий защиты против капиталистов, которые организуются, чтобы напасть на Союз Советов, сделать огромную страну своей колонией, своим рынком. На самозащиту против капиталистов Европы народы Союза Советов тратят огромное количество сил и средств, которые можно бы употребить с бесспорной пользой на дело культурного возрождения человечества, ибо процесс строительства в Союзе Советов имеет общечеловеческое значение.

В гнилой, обезумевшей от ненависти и от страха пред будущим среде буржуазии все более рождается идиотов, которые совершенно не понимают смысла того, что они кричат. Один из них обращается к «господам правителям и дипломатам Европы» с таким воззванием: «В настоящий момент силы желтой расы должны быть использованы Европой как средство для сокрушения 3-го Интернационала». Весьма допустимо, что этот идиот выболтал мечты и намерения некоторых подобных ему «господ дипломатов и правителей». Весьма возможно, что уже есть «господа», которые серьезно думают о том, о чем заорал идиот. Европой и Америкой правят безответственные «господа». События в Индии, Китае, Индо-Китае вполне могут способствовать росту расовой ненависти к европейцам и вообще к «белым». Это будет третья ненависть, и вам, гуманисты, следует подумать: нужна ли она для вас, для детей ваших. И насколько полезна для вас проповедь «расовой чистоты», т.-е. проповедь опять-таки расовой ненависти в Германии? Вот например:

«Вождь гитлеровцев в Тюрингии Заукель предписал национал-социалистической группе Веймара протестовать против присутствия в Веймаре на предстоящем торжественном праздновании 100-летия со дня смерти Гёте—Герхарда Гауптмана, Томаса Манна, Вальтера фон Моло и профессора Сорбонны Генри Лихтенберже. Заукель ставит в вину указанным лицам их не арийское происхождение».

А также пора вам решить простой вопрос: с кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции.